

О КОЖЕВНИКОВЕ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О КОЖЕВНИКОВЕ В. А. — В ОГПУ

КОЖЕВНИКОВ Виссарион Андреевич, родился в 1855 в Иркутске (отец, Кожевников Андрей Львович, подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка, декабрист, в 1867 — скончался). Получил высшее образование. После революции проживал в Ленинграде, работал инженером-технологом в Министерстве путей сообщения. 28 июня 1930 — арестован по подозрению в шпионаже, приговорен к 10 годам ИТЛ и в январе 1931 — отправлен в лагерь на станции Май-Губа, находился там в лазарете как инвалид 1-й группы¹.

В марте 1931 — его жена, Екатерина Александровна Кожевникова обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<18 марта 1931>

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Пишу Вам под свежим впечатлением после моей первой поездки к моему мужу, Виссариону Андреевичу Кожевникову, находящемуся в данное время в СЛАГе, осужденному Коллегией ОГПУ на 10 л<ет> конц<ентрационных> лагер<ей>, ст<атья> 58-6 УК.

Мой муж лежит в лазарете, где надо полагать, и просуществует все свои 10 л<ет>, если за это время не умрет, но что более вероятно, учитывая его теперешний возраст в 66 лет, признание всеми комиссиями инвалидности по I категор<ии> и т<ак> д<алее>.

Я, наконец, имела возможность подробно ознакомиться из разговоров с мужем с теми допросами, кот<орые> имели место, и только на основании их мы могли себе уяснить как предъявлявшиеся обвинения, так и их результаты.

Известные моему мужу обвинения заключаются в сношениях с границей — французами и основываются на черновике письма, котор<ое> он писал в 1924 г<оду> приезжавшему в СССР с целью получения концессии представителю Об<ществ>а Междунар<одных> вагонов. В этом письме муж просит этого представителя в случае, если концессия будет заключена, принять его на службу. На мой взгляд никакого преступления в этом нет, поскольку этот представитель приезжал в СССР вполне официально и вел переговоры с Н<ар>К<оматом> П<утей> С<ообщения>, которые вдобавок и не привели ни к каким результатам.

Вторым обвинением является расписка моей двоюродной сестры, также относящаяся к 1923-24 год<ам> на взятые нами в долг и возвращенные ей в 2 срока 10 фунт<ов> стерлинг<ов>. В то время покупка валюты производилась свободно, да, кроме того, разве может быть какое-нибудь государственное преступление, за которое платят 100 р<ублей>, да еще и забывают уничтожить расписку в течение 6 лет. А на основании этой расписки появилось совершенно нелепое обвинение во "внедрение иностранного капитала в транспорт".

Очевидно, что осудить за это человека на 10 лет конц<ентрационных> лаг<ерей> невозможно; если же было еще что-нибудь <удь>, то муж, ничего не зная об этом, конечно, не мог представить соответствующих доказательств своей невиновности.

Мне не хотелось бы ставить как бы в заслугу прилагаемые выписки, свидетельствующие, что мой муж является единственным в союзе сыном

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 467. С. 198-199; Д. 520. С. 388; Д. 577. С. 99-108, 120-136, 141.

декабриста, ибо все остальные лишь внуки или правнуки; мой муж всегда проводил в семье мысль, что каждый человек должен сам составлять себе репутацию, не прибегая для этого к содействию предков; эту мысль твердо претворил в дело, создав себе совершенно определенную, не поддающуюся кривотолкам репутацию; его прямодушие, возможно, что и унаследовал от отца-декабриста, его неподкупность, нравственная чистота и несовместимость сделок с совестью сделались известны сотням людей, с которыми его сталкивала жизнь и страна, что судебные власти не сумели разобраться в его личности в его деле, хотя такового по существу не имеется, — есть очевидно какое-то дело, к которому он почему-то привлечен.

Каждый человек думает, что его случай есть исключительный; я нахожусь в твердом уме и доброй памяти и не принадлежу к женщинам, ослепленным доблестями моего мужа, я просто знаю твердо и наизусть благородную фигуру моего мужа и смею полагать, что случай его является действительно в достаточной мере если не исключительным, то все же странным и безосновательным.

Ошибки, конечно допустимы, но власти обязаны их исправлять.

Я вовсе не намерена просить Вас хлопотать о каких бы то ни было "снисхождениях" моему мужу, для того надо было бы иметь вину, да и, кроме того, где бы он ни находился, он все равно будет прикован к постели, — нет, я просто умоляю Вас принять срочные меры, иначе это будет уже поздно, к полному освобождению моего мужа, надо ли для этого пересмотр дела, или личная Ваша или иных Властей удостоверенность совести в полной непричастности Виссариона Кожевникова к каким бы то ни было поступкам, влекущим не только 10 летнюю ссылку, но даже однодневную изоляцию.

Не откажите, если это законно, меня уведомить о последующих Ваших решениях.

Уважающая Вас
Екатерина Кожевникова.

Гор<од> Ленинград, <улица>
Халтурина, <дом> 23 кв. 3.
Екатерине Александровне
Кожевниковой.
18/III-31 г<ода>².

На письме — помета рукой Екатерины Павловны Пешковой:

«От нее заявл<ение> на основ<ании> болезни пусть просит о пересм<отре> 1/IV».

В июле 1931 — Виссарион Андреевич Кожевников был вывезен в Соловецкий лагерь особого назначения.

В августе 1931 — Екатерина Александровна Кожевникова вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<3 августа 1931>

«Е. П. Пешковой.
Помощь Политич<еским> Заключенным.

Екатерины Александровны
Кожевниковой.
Халтурина 23 кв. 3.

Заявление

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 577. С. 106-107. Автограф.

Мой муж, Виссарион Андреевич Кожевников, с самой высылки из Ленинграда из лазарета Д<ома> П<редварительного> З<аключения> 28/І-31 находился в лагерях, все время в лазаретах. На 9-м км около с<ела> Парандово в продолжение 2-х мес<яцев>, затем в Шавани, тоже в лазарете, откуда 30/У-31 был вызван по требованию из Москвы на медицинское переосвидетельствование на ст<анцию> Майгуба и на другой же день после переосвидетельствования со станции Шавань в этапном порядке выслан в Соловки. Совершенно больной он в Соловках опять помещен в лазарет. Теперь его из лазарета выписали. Я только что вернулась из Соловков, где имела с мужем свидание, и нашла его здоровье в ужасном состоянии. У него постоянные припадки удушья, которые всегда делаются во время тумана, а в Соловках туманы обычное явление, поэтому усердно прошу хлопотать о высылке Виссариона Андреевича Кожевникова на свободное жительство <в> эту осень, пока не закончилась навигация, зиму ему там не пережить.

Причина вызова его одного на переосвидетельствование неизвестна, категория ему определена ІІ-я особая.

Е. Кожевникова.

З/УІІІ-31 г<ода>»³.

В сентябре 1931 — Екатерина Александровна Кожевникова запрашивала Екатерину Павловну Пешкову.

<3 сентября 1931>

«Екатерины Александровны
Кожевниковой. Ленинград,
ул<ица> Халтурина, № 23, кв. 3.

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Вы сообщили мне, что мой муж Виссарион Андреевич Кожевников, содержащийся в концлагере в Соловках, будет освобожден по болезни.

Как сообщил моему сыну гр<ажданин> Винавер 16/ІХ, дело задерживается неполучением в Москве акта медицинского освидетельствования моего мужа, состоявшегося 30/У-31 в Майгубе.

Очень прошу Вас сообщить, получен ли теперь в Москве этот акт, и в каком положении находится дело с освобождением по болезни моего мужа — инвалида І категории.

Ускорение этого дела теперь особенно важно, т<ак> к<ак> в ноябре на полгода прекращается сообщение с Соловками.

Уважающая Вас Е. Кожевникова»⁴.

В январе 1932 — Андрей Виссарионович Кожевников, сын Виссариона Андреевича, обратился с заявлением в ОГПУ.

<15 января 1932>

«В ОГПУ

Гр<ажданина> Кожевникова
Андр<ея> Виссар<ионовича>
Ленинград, ул<ица> Халтурина
<дом> 23, кв<артира> 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 577. С. 12. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 577. С. 129. Автограф.

Мой отец, Виссарион Андреевич Кожевников, содержащийся в концлагере в Соловках и в настоящее время переведенный в командировку Шоньга Куземского неотдельного пункта УСЛАГа ст<анция> Кузема Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги>; по сведениям Помощи политзаключенным, будет освобожден по болезни. Ввиду крайне тяжелого болезненного состояния моего отца (не может ходить, не может самостоятельно одеться и т<ак> д<алее>) прошу о разрешении ему следования не этапом, а одиночным порядком.

А. Кожевников.

15-1-32»⁵.

В январе 1932 — Виссарион Андреевич Кожевников был переведен по состоянию здоровья на станцию Кузема Мурманской железной дороги⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 577. С. 130. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 759. С. 84-89.